Когда Шон пришел домой после обеда, он выглянул в сад и неожиданно увидел свою мать, лежащую на шезлонге. Шон удивился, увидев свою мать в это время дня, так как обычно она работала после обеда, но не факт того, что его мама была дома, обеспокоил Шона, а вид ее тела в бикини. В мозгу Шона промелькнуло яркое воспоминание о неожиданном виде, которое заставило Шона замереть на месте, и он стоял у окна, погрузившись в размышления о событии двухлетней давности.

Два лета назад Шон наслаждался длинными каникулами вдали от университета и максимально использовал свою свободу. Он работал неполный рабочий день, чтобы заработать немного свободных денег, и просто хорошо проводил время: ходил на вечеринки и вообще наслаждался жизнью.

Несмотря на то, что Шон всегда смутно осознавал, что его мать обладала подтянутой фигурой и считалась живой и привлекательной, он никогда не ассоциировал ее с сексом. В прошлом его друзья делали косые замечания, ничего явного, но вывод был очевиден. Для Шона Линда была его матерью. Он мог понять, что другие находят ее привлекательной, но она была его мамой, и точка.

Затем, одним субботним вечером произошло нечто, что навсегда изменило мировоззрение Шона. Он стал свидетелем события, которое послужило началом эпизода, оказавшего глубокое влияние на то, как Шон думал и смотрел на свою мать. Отец Шона умер за несколько лет до этого, и хотя обстоятельства его смерти не важны, его уход оставил Линду вдовой в возрасте около тридцати лет с сыном, который вступил в пору полового созревания.

Это было трудное время и для Линды, и для ее сына. Не то чтобы смерть отца как-то повлияла на Шона и заставила его вести себя как правонарушитель, напротив, он справился с этим замечательно, но, возможно, он слишком серьезно относился к своей роли защитника матери. Это привело к тому, что Линда почувствовала клаустрофобию, и, пытаясь смягчить беспокойство сына, Линда решила отказаться от мужской компании в обозримом будущем. Не то чтобы она искала другого партнера или отца для Шона, но она все еще была молодой, здоровой женщиной, со всеми желаниями и потребностями, которые есть у женщины, и ей было неприятно, когда ее единственный сын опекал ее. Конечно, она любила его, но иногда Линда оказывалась одна в своей постели, желая, чтобы кто-нибудь обнял ее, прижался к ней и дал ей почувствовать себя защищенной в его сильных руках, и да, нельзя было отрицать, что ей не хватает и физической стороны отношений.

В тот субботний вечер Шон должен был быть на вечеринке, а его мать - на редкой вечеринке с подружками. Вторая половина дня и начало вечера прошли нормально, Линда собиралась на свидание, а Шон принял душ и оделся, готовясь к вечеринке.

Увидимся позже, детка", - позвала его мать, спускаясь по лестнице и поднимая со стола свою сумочку. Веселись! Взмах пальцами, и она исчезла.

Шон пошел на вечеринку, но обнаружил, что у него нет настроения, поэтому он оправдался и ушел. Домой он приехал как раз в тот момент, когда свет померк, что в начале июля означало около десяти часов. Шон удивился, увидев задернутые шторы на окнах, и был озадачен

тусклым светом в гостиной. Шон был уверен, что свет не горел, когда он уходил, и, любопытствуя, что Линда вернулась раньше, Шон прижался лицом к окну и пытливо заглянул внутрь.

Почему он решил заглянуть в окно, Шон объяснить не мог, но то, что он увидел через окно, не заставило себя ждать. Шок ударил его, как пощечина; он был ошеломлен и сначала мог только смотреть в немом неверии на то, что увидел. Его мать, которая, как предполагал Шон, собиралась на девичник, в этот момент сидела на диване в гостиной, ее джинсовая юбка была сброшена, блузка расстегнута и распахнута, а рядом с ней сидел мужчина с твердым членом в кулаке матери Шона. Мужчина слегка скрутился на сиденье и руками массировал тугие груди Линды через лифчик.

В мозгу Шона вихрем пронеслись спутанные и противоречивые эмоции, и в животе у него вдруг стало жирно. Шон вдруг позавидовал тому, что его мать может позволить кому-то сделать с ней такое или что она способна сделать с мужчиной все, что угодно. В сознании Шона она была выше низменных сексуальных действий. Она была слишком чиста, чтобы позволить любому мужчине приблизиться к ней со своим непристойным придатком, злым, жестким и желанным, как сейчас у этого мужчины. Шон также почувствовал гнев, что этот мужчина осмелился использовать его мать подобным образом. Как он посмел, это было неправильно, она принадлежала Шону, он был мужчиной в доме. Его жирный живот перекатился набок от ощущения предательства. Его мать! Как она могла? Но самым тревожным было то, что Шон внезапно и непреодолимо сексуально возбудился от увиденного. От скорости и срочности его эрекции у Шона почти перехватило дыхание, а в глубине живота заклокотало вожделение, быстро заглушая тошнотворное чувство и заменяя его гораздо более сильной эмоцией.

Потребность в разрядке, сосредоточенная на его члене, была почти непреодолимой, и Шон почувствовал, как внутри него разгорается инстинктивное желание. Не раздумывая, он расстегнул молнию на джинсах и вытащил свой толстый, твердый член. Он срочно потянул на себя; его кулак плотно сомкнулся вокруг ствола, и тут он вдруг понял, что виден любому прохожему. Он незаметно подошел к задней части дома и вошел через заднюю дверь.

Он стоял в кухне, не зная, что делать дальше. Он боялся, что его обнаружат, но не мог остановить себя, медленно продвигаясь все ближе и ближе к прихожей. Его член торчал перед ним, когда он крался по ковру, как кошка-взломщик. Во рту у него пересохло, а в ногах ощущалась слабость. Его тело дрожало от потрясения, и хотя он знал, что находится в очень опасной ситуации, Шон не мог противиться зову сирены о том, что происходит за дверью прямо перед ним.

Стоя за дверью, Шон слышал приглушенные звуки, доносившиеся из-за нее. Он услышал низкие тона мужского голоса, приглушенные и неразборчивые, и более высокие, которые могли исходить только от его матери. Шон повернулся на звук голоса матери, но затем заколебался. Именно в этот момент Шон растерялся. Он мог бы уйти с места происшествия и выйти на теплый ночной воздух, чтобы подумать. Вполне естественно, что его матери захотелось мужской компании. Прошли годы после смерти ее мужа, и до сих пор, насколько Шон знал, Линда была верна памяти покойного мужа, но время идет, и у женщины есть потребности, Шон знал это, и даже если это будет для него тяжелым испытанием, Шон должен был позволить ей жить своей жизнью.

Но соблазн еще раз взглянуть на то, что делала его мать, был слишком велик для Шона. Это было для него как наваждение, его тянуло, и как бы он ни понимал, что это зрелище его беспокоит, Шон был бессилён сопротивляться. Он толкнул дверь, сначала чуть-чуть, а потом, когда его не обнаружили при первом толчке, он почувствовал себя достаточно смелым, чтобы толкнуть ее еще дальше.

Когда дверь была достаточно широкой, чтобы Шон мог заглянуть в комнату, он прижался лицом к дереву и осмотрел интерьер. Сцена была не менее шокирующей от этого второго откровения, и Шон почувствовал, как те же смешанные чувства снова пронеслись через него. Воздействие на его пенис вдохнуло в него новую жизнь, и Шон снова почувствовал, как в животе запульсировало, как быстро напрягся его член, и вождение запылало.

За то время, которое понадобилось Шону, чтобы открыть дверь, мужчина успел снять с Линды лифчик. Пока Шон наблюдал, мужчина сжимал и терзал груди Линды. Он стонал от удовольствия и целовал по очереди каждый из толстых сосков Линды.

"Господи, Линда, - простонал он. Твои сиськи просто фантастические. Такие упругие, такие чертовски сексуальные, Боже, я хочу тебя... Я умирал от желания получить тебя одну... Блядь".

Шон мог бы и оглохнуть, если бы слова мужчины не произвели на него такого эффекта. Грудь его матери завораживали Шона. Он никогда не видел их раньше, по крайней мере, не помнил, и они показались ему восхитительными. Шон был поражен тем, какие чувства вызывал у него один лишь вид маминых грудей. Он был очарован их формой, спелой полнотой, изогнутой округлостью нижней части и наклонным подъемом, который венчали темно-розовые ареолы, увенчанные толстыми возбужденными сосками Линды. Шон чувствовал себя так, словно мог просто войти в комнату, смелый, как медь, и был уверен, что его с радостью примут в компании пары, сплетенной на диване. Боже, как он жаждал разрядки, похоть была запрятана глубоко в его внутренностях, и Шон подумал, что скоро сойдет с ума от желания.

Пока его мать и мужчина целовались на диване, Шон наблюдал, как ее кулак быстро двигается в его коленях. Шон бессознательно взял в руку свой собственный член и подражал действиям матери. Боже, как хорошо... так хорошо. Шон тянул и дергал себя, безразличный и заброшенный в своей похоти, его глаза были неподвижны, остекленевшие и ничего не видящие, когда он почувствовал прилив спермы, вырвавшейся из глаз его члена. Шон застонал, когда воды желания прорвали плотину его кульминации, он стоял и спазматически дергался, когда густые струи его спермы брызнули на дверь гостиной.

Внутри, встревоженная безошибочными звуками, сидела его мать. Ее руки тянулись к зияющим прорехам расстегнутой блузки, и она инстинктивно прикрылась. "Что это было?" - прошептала она в легкой панике.